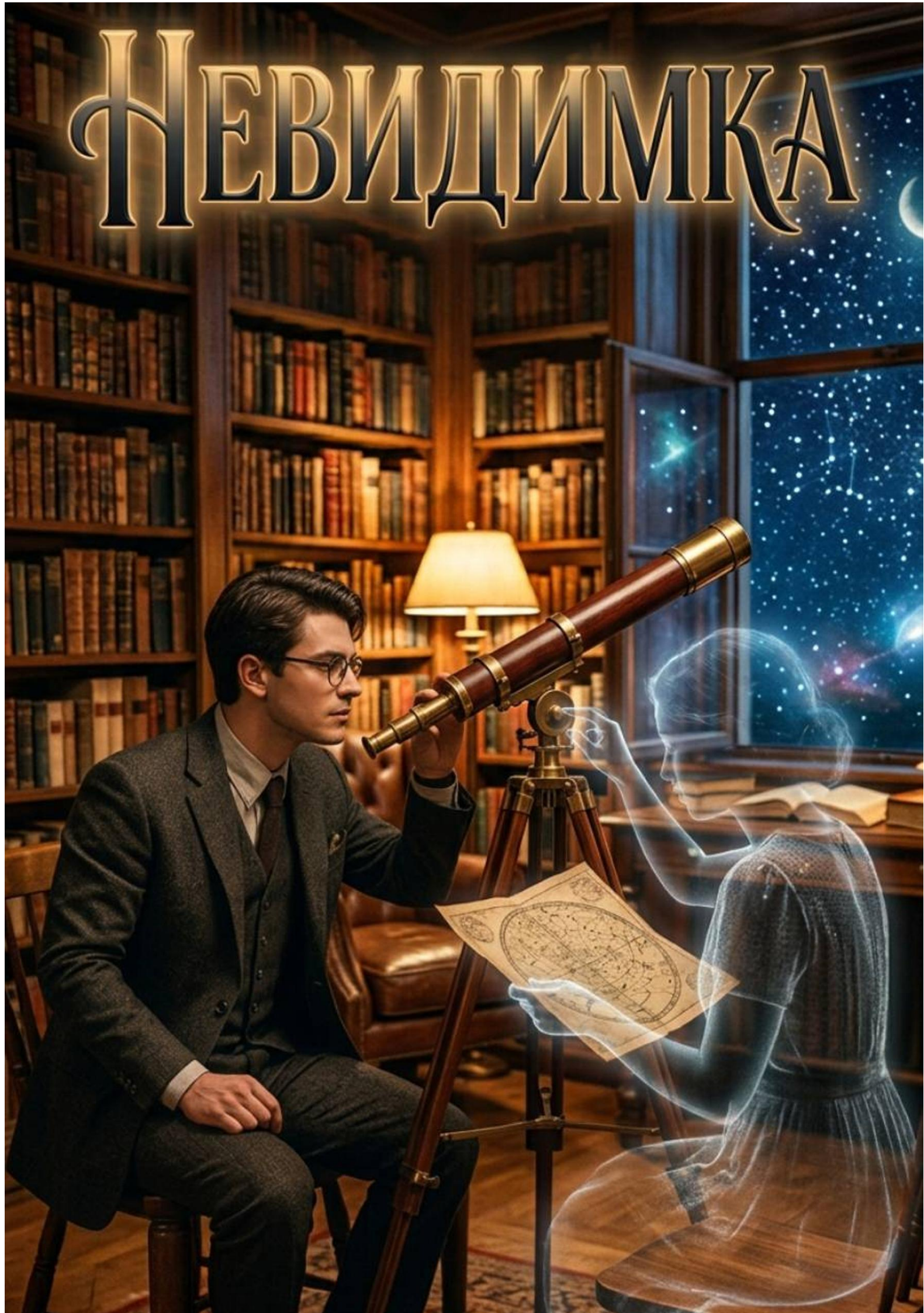

НЕВИДИМКА

Руслан Тимченко

Невидимка

«Автор»

2026

Тимченко Р.

Невидимка / Р. Тимченко — «Автор», 2026

Рассказ о музыканте, который играет в симфоническом оркестра и встречает любовь всей своей жизни

© Тимченко Р., 2026

© Автор, 2026

Руслан Тимченко

Невидимка

Невидимка

2026

Глава 1.

Маркус лежал с открытыми глазами и слушал, как за окном просыпается город — приглушённый гул трамваев, крики чаек, звон церковных колоколов где-то вдалеке. Он не торопился вставать. В эти минуты между сном и явью ему нравилось просто дышать, ощущая, как воздух медленно наполняет лёгкие, как кровь бежит по венам, как где-то глубоко в груди теплится тихая, ровная радость.

Он повернул голову к подушке рядом. Пусто. Но он улыбнулся — потому что знал, что она уже встала. Изабэль всегда вставала раньше него. Она говорила, что первые лучи солнца — самые честные, и их нельзя пропускать.

— Доброе утро, — произнёс он в пустоту.

Ответа не последовало, но Маркус его и не ждал. Он просто знал, что она слышит. Она всегда слышала.

Он поднялся, накинул халат и прошёл на кухню. Кофейник уже ждал его — он сам его приготовил с вечера, но сейчас, глядя на две чашки, стоявшие рядом на полке, он почувствовал, как уголки губ сами собой поползли вверх. Он достал одну чашку, налил кофе, добавил молоко — ровно столько, сколько любила она. Поставил вторую чашку напротив своего места за столом. Просто так. Для неё.

— Ты сегодня рано, — сказал он, садясь. — Я думал, ты ещё спишь.

Он представил, как она улыбается — мягко, чуть насмешливо, как умела только она. Как она говорит: «Я никогда не сплю, когда ты рядом. Я боюсь пропустить что-то важное».

Маркус отпил кофе. Горьковатый, с лёгкой кислинкой — как он любил. За окном проплывали облака, похожие на размытые акварельные пятна. Он смотрел на них и думал о том, что сегодня вечером — концерт. Вагнер. Тяжёлый, тёмный, но в его скрипке есть несколько соло, которые он любил больше всего на свете. Моменты, когда весь оркестр замолкает, и остаётся только он — и его инструмент. И зал. И где-то там, в первых рядах, — она.

После завтрака Маркус прошёл в гостиную. На столике у окна стояла шахматная доска. Партия была не закончена — они остановились на прошлом вечернем ходе, и теперь Маркус сел напротив пустого кресла, изучая позицию.

— Ты уверена, что хочешь пойти ферзём? — спросил он, касаясь пальцами белой фигуры. — Я могу ответить конём. Ты потеряешь темп.

Он замер, прислушиваясь к тишине. Потом медленно, словно советуясь с кем-то невидимым, передвинул чёрную пешку. Улыбнулся.

— Хорошо. Но я предупреждал.

Он сделал ход, потом ещё один. Партия разворачивалась медленно, как хорошо продуманная беседа. Он чувствовал её присутствие — в каждом ходе, в каждой паузе, в лёгком шорохе штор, которые колыхались от сквозняка. Она была рядом. Она всегда была рядом.

Потом была скрипка. Маркус открыл футляр — дерево тёплое, знакомое, почти живое. Он провёл пальцами по грифу, проверяя настройку, и поднёс инструмент к плечу. Первые звуки — разминка, гаммы, арпеджио — наполнили комнату. Он играл, закрыв глаза, чувствуя, как вибрация струн отдаётся в костях, как музыка течёт сквозь него, очищая и наполняя.

— Слушай, — сказал он, останавливаясь. — Вот это место. Здесь я всегда думаю о тебе.

Он сыграл фразу — нежную, тягучую, полную тоски и надежды одновременно. Это был не Вагнер. Это было что-то своё, сочинённое только что, здесь, в этой комнате, для неё одной.

— Тебе нравится?

Тишина ответила ему. Но он знал: нравится.

Ближе к вечеру Маркус надел концертный костюм — тёмно-синий, с белоснежной рубашкой. Долго стоял перед зеркалом, поправляя бабочку. В отражении за его спиной — пустая комната, но ему казалось, что он видит её: как она сидит в кресле, поджав ноги, с книгой в руках, и наблюдает за ним с той самой улыбкой.

— Как я выгляжу? — спросил он.

Он представил, как она подходит, как поправляет ему воротник, как говорит: «Ты всегда выглядишь так, будто собираешься играть для меня одной».

— Может, так и есть, — ответил он своему отражению.

Зал был огромным. Филармония — старинное здание с лепниной на потолке и бархатными креслами. Маркус занял своё место в оркестре — третья скрипка, но сегодня у него было соло. Он чувствовал, как подрагивают пальцы, как сердце бьётся чаще обычного. Дирижёр поднял палочку. Тишина загустела, стала осязаемой.

И тут Маркус поднял глаза.

Первый ряд. Третье кресло слева. Она.

Изабэль сидела, выпрямив спину, в тёмно-зелёном платье, которое он так любил. Её волосы были собраны в небрежный пучок, и несколько прядей выбились, обрамляя лицо. Она смотрела прямо на него. И улыбалась.

Маркус почувствовал, как всё внутри него замирает, а потом — взрывается. Музыка хлынула из-под его смычка, словно он только и ждал этого момента. Он играл для неё. Для неё одной. Все остальные — дирижёр, оркестр, публика — исчезли. Осталась только она, её улыбка, её глаза, в которых отражался свет люстр.

Адажио Вагнера текло, как тёмная река. Скрипка Маркуса пела, рыдала, умоляла. Он вкладывал в каждую ноту всё, что чувствовал, но не мог сказать словами. И она слышала. Она понимала. Она отвечала ему — едва заметным кивком, блеском в глазах, лёгким движением губ, повторяющих его имя.

Когда музыка стихла, зал взорвался аплодисментами. Маркус стоял, тяжело дыша, и смотрел только на неё. Изабэль приложила ладонь к груди — жест, который означал: «Я здесь. Я с тобой».

Он улыбнулся ей в ответ.

Домой Маркус вернулся поздно. Город спал, улицы были пусты, и его шаги гулко отдавались в тишине. Он открыл дверь квартиры и сразу почувствовал: она ждёт. Не в прихожей, не в гостиной, а где-то глубже — в самом воздухе, в запахе старого дерева и пыли, в мягком свете настольной лампы, которую он забыл выключить.

Он прошёл в спальню. Лёг. Закрыв глаза.

— Я играл для тебя, — прошептал он в темноту.

И в ответ — в самом дальнем уголке сознания, там, где реальность и сон переплетаются в тонкий узор, — он услышал её голос:

— Я знаю. Я всегда слушаю.

Маркус улыбнулся и позволил сну унести себя. Завтра будет новый день. Новый концерт. Новые шахматы. Новые разговоры. И она — всегда она — будет рядом.

Он не знал, что за стенами этой квартиры, за пределами этого идеального мира, в холодной больничной палате мерно пищит кардиомонитор, и медсестра записывает в журнале: «Пациент стабилен. Реакция на внешние стимулы отсутствует. Двадцать шестой месяц комы».

Он не знал. И это было милосердием.

Глава 2.

Вечер опускался на город медленно, как занавес в театре. Небо окрасилось в оттенки персика и лаванды, и воздух стал прохладным, напоённым запахом цветущих каштанов. Маркус шёл под руку с Изабэль по старым улочкам, и их шаги отдавались эхом в узких переулках.

Она была рядом. Он чувствовал тепло её руки, лёгкое прикосновение пальцев к его предплечью, шелест её юбки при каждом шаге. Она была в тёмно-синем пальто, которое он помнил ещё с зимы, и в лёгком шарфе, развевающемся на ветру. Время от времени она поворачивала голову, и он ловил её взгляд — внимательный, чуть ироничный, полный тихой нежности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.